

Марта Лукашевич

Авторская позиция Федора Ливанова:

«РАЗРУШЕНИЕ ЭСТЕТИКИ»
ИЛИ РЕСЕНТИМЕНТ РАЗНОЧИНЦА?

Marta Łukaszewicz

Fedor Livanov's Authorial Position: "The Destruction of Aesthetics" or a Resentment of *Raznochintsy*?

Марта Лукашевич (Варшавский университет, научный сотрудник; доктор филологических наук) marta.lukaszewicz@uw.edu.pl.

Marta Łukaszewicz (Dr. habil.; Research Fellow, Uniwersytet Warszawski) marta.lukaszewicz@uw.edu.pl.

Ключевые слова: внутренняя колонизация, духовенство в литературе, разночинцы, идентичность, новый человек, полемический роман, антинигилистический роман

Key words: internal colonization, clergy in literature, *raznochintsy*, identity, *new man*, polemical novel, anti-nihilistic novel

УДК: 304.444 + 821.161.10
DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_31

UDC: 304.444 + 821.161.10
DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_31

Статья посвящена рассмотрению авторской позиции малоизвестного писателя XIX века Федора Ливанова, в чьем романе «Жизнь сельского священника» нашло отчетливое выражение характерное для многих разночинцев чувство ущербности и resentimenta. Особенность позиции Ливанова связана с его положением угнетенного субъекта, «маргинала среди маргиналов», находящегося в поисках собственной идентичности и для этого прибегающего к литературным клише, заимствованным из идейно противоположных типов произведений. Однако такие попытки мимикрии на самом деле мешают обрести свой подлинный голос и лишь усиливают полемическую и утилитарную составляющую произведения.

The article discusses the authorial position of Fedor Livanov, a little-known 19th-century writer in whose novel *Zhizn' sel'skogo svyashchennika* (*The Life of a Village Priest*) one finds an expression of the feeling of inferiority and resentment characteristic of many *raznochintsy*. A special feature of Livanov's position is connected with his position as an oppressed subject, "a marginal among marginals" in search of his own identity, and for that he resorts to literary clichés from works in ideological opposition to his own. Such attempts at mimicry, however, actually prevent him from finding his genuine voice and only enhance the polemical and utilitarian component of the work.

«Отцы и дети» в духовном сословии

Период царствования Александра II был, как известно, временем многочисленных преобразований, среди которых не самое последнее место занимали церковные реформы. Их конечной целью предполагалась оптимизация функционирования церкви в рамках государственного аппарата, однако реально достигнутым результатом стало прежде всего оживление среди духовенства, которое стало стремиться к возвышению своего социального статуса. 1860-е и 1870-е годы принесли бурное развитие церковной прессы и постепенные перемены в понимании пастырских задач духовных лиц, прежде всего смещение акцента с литургических обязанностей на общественное служение [Freeze 1983: 393–395; Hedda 2008: 58–64].

В связи с упрощением в 1863 году правил приема в высшие учебные заведения выпускников семинарий и отменой в 1869 году принципа наследственной передачи духовного звания в 1860—1870-е годы значительно увеличился процент выходцев из духовного сословия, выбравших светскую карьеру [Manchester 2008: 157—158]. При этом, как отметила Лори Манчестер, несмотря на кажущееся противостояние поповичей традициям своих отцов и распространенный стереотип разночинца как радикала и революционера, корректнее говорить о своеобразной модификации духовного этоса и перенесении его в светскую сферу жизни. Так, поповичи чаще всего выбирали профессии, связанные с идеей служения обществу: учитель, университетский преподаватель, врач, земский статистик и тому подобные, видя в них естественное продолжение традиции отцов и апостольский путь спасения в миру [Ibid.: 172—179]. При этом их жизненные принципы и идеалы (трудолюбие, аскетическое самоограничение, подчинение личной жизни императиву общественного служения) определялись представлениями о собственном призвании и особой миссии, в чем тоже следует видеть проекцию клерикальных ценностей [Ibid.: 179—201].

В то же время во второй половине XIX века имел место и обратный процесс — перенесение в жизнь духовного сословия привычек, традиций и механизмов, сформированных в светском мире. Его наиболее ярким проявлением было противостояние молодого поколения духовенства традициям отцов, которое выражалось, в частности, в стремлении приблизить свой внешний вид и образ жизни к стилю жизни дворян. На эту тенденцию обратили внимание многие публицисты и мемуаристы этого периода. Так, уже в 1859 году священник Григорий Греков отметил, что среди духовных лиц стала развиваться склонность к нарядам, светскому поведению и развлечениям [Греков 1859: 119]; затем это наблюдение появилось в статьях Никиты Гилярова-Платонова [Гиляров-Платонов 1905], Владимира Мещерского (выступившего под псевдонимом Святослав Солынский) [Мещерский 1873], воспоминаниях Петра Знаменского [Знаменский 1892: 199, 211, 264], а также в повести Григория Недетовского (публиковавшего под псевдонимом «О. Забытый») «Велено приискывать» [Недетовский 1877, 9: 46—48], в которой отчетливо противопоставлены друг другу два поколения духовенства.

Таким образом, оппозиция отцов и детей, которая в светской среде означала противостояние либералов и радикалов-нигилистов, в среде духовной чащи всего была связана с противопоставлением священников-традиционалистов со своей особой субкультурой [Freeze 1977: 210] — и священников, для которых ориентиром была дворянская культура, прежде всего в ее бытовом аспекте.

Однако в действительности ситуация была еще сложнее, потому что дети духовного сословия представляли собой значительно более разнородное явление. Наряду с теми, для кого новизна своего положения сводилась к светскому образу жизни и кого Н.П. Гиляров-Платонов назвал «ряса — мечтающая о фраке» [Гиляров-Платонов 1905: 434], были и те, кто противопоставлял себя поколению отцов прежде всего как настоящего пастыря, готового не только к литургическому, но и к общественному служению. Варьировалось также отношение к церковной иерархии и государственной власти, а все эти аспекты могли выступать в разнообразных сочетаниях. Далее в центре нашего внимания будет наиболее заметная группа среди молодого поколения духовенства и околоцерковных выходцев из духовного сословия, сосредоточенных вокруг газеты «Церковно-общественный вестник». Она была основана в 1874 году

Александром Поповицким, публицистом и преподавателем французского языка, выпускником Санкт-Петербургской духовной академии. Газета просуществовала до 1886 года, выходила три раза в неделю и своей главной целью ставила содействие поддержанию религиозно-нравственных принципов в обществе через улучшение положения клира и преодоление его социальной обособленности [По поводу 1874]. Она определяла себя как голос молодого, прогрессивного приходского духовенства, желающего перемен в церкви и поддерживаемых государством церковные реформы. При этом ее редактор и сотрудничающие с газетой авторы не только выступали против «старых порядков» и суеверий, но и позиционировали себя как сторонников государственного контроля над религиозной жизнью (см., например: [По вопросу 1877; Русская церковь 1874]).

По этой причине Никита Гиляров-Платонов, полемизируя с «Церковно-общественным вестником» на страницах газеты «Современные известия», называл своих оппонентов «клерикало-бюрократами», подчеркивая, что их исключительное внимание к положению духовенства, восприятие его как представительства церкви на земле и отделение от верующего народа не соответствуют православной экклезиологии, но приближаются к католическому богословию с его характерным понятием «церковь представительная» [Гиляров-Платонов 1906а: 199—200]. Публицист обратил внимание и на типичное для этой группы священников желание освободиться от зависимости от прихожан и властвовать над ними [Гиляров-Платонов 1906а: 200—201; 1906б: 100].

Разночинцы и проблема репрезентации

Оставляя в стороне вопрос о справедливости упреков Гилярова-Платонова, мы хотели бы заострить внимание на категории власти и связанных с ней понятиях доминирования и гегемонии. Этим термином Антонио Грамши определил отношения, основанные на внедрении мировоззрения и культурных установок правящего класса в качестве общепринятых [Грамши 1991: 49—50]. В Российской империи таким «правлящим классом» было дворянское сословие, которое отличалось от других сословий по своему правовому положению, обычаям, образованию и т.п. Результатом привилегированного положения дворян стала, по мнению Александра Эткинда, внутренняя колонизация, осуществляемая по отношению к другим сословиям. Одним из ее характерных проявлений была ориентализация более низких социальных групп и восприятие представителей этих групп как чужих, отделенных культурной пропастью [Эткинд 2013: 159—162]. Объектом ориентализации становились в первую очередь крестьяне, но она коснулась и других частей общества, особенно духовенства, которое еще в XVIII веке вследствие процесса замыкания и обособления сословий сформировало собственную «клерикальную субкультуру», отличную как от дворянской, так и от крестьянской [Freeze 1977: 210].

Проблеме репрезентации крестьян в русской литературе были посвящены многие работы советских и западных исследователей (см., например: [Самочатова 1972; Donskov 1972; Fanger 1968; Frierson 1993]); за последние двадцать лет появились также исследования, использующие методологию культурных исследований, в том числе постколониальную теорию [Вдовин 2016; 2021; Ogden 2005; Pavlenko 2014]. В то же время проблема изображения священно-

служителя крайне редко становилась предметом интереса исследователей, а немногочисленные существующие работы имеют прежде всего обзорный и описательный характер [Гнюсова 2018; Лукашевич 2009; Мельникова 2013; 2015; Розов 2001]. Однако, на наш взгляд, целесообразной и продуктивной является попытка применить к анализу способов изображения этих персонажей методологию культурных исследований, в частности по той причине, что произведения из жизни духовенства создавались в основном разночинцами, выходцами из духовной среды, которых тоже можно в определенной мере воспринимать как «угнетенных субъектов», «субалтернов» [Эткинд 2013: 391].

Отметим, однако, что, на наш взгляд, позиция Эткинда является спорной, потому что, в отличие от настоящих русских субалтернов, которыми были неграмотные крепостные крестьяне, разночинцы не только умели читать и писать, но и успешно пользовались этими умениями, создавая во второй половине XIX века новый дискурс, соперничавший с доминировавшим до этого дискурсом дворянским [Печерская 2018: 23] и сформировавший своего рода «контркультуру» [Печерская 2020: 264]. В 1860-е годы именно разночинские литературные критики — Николай Чернышевский и Николай Добролюбов — стали «властителями дум», формировавшими литературные вкусы молодого поколения, а культурная гегемония дворян сменилась гегемонией разночинцев.

Однако в результате этих процессов особенно сложной стала ситуация тех поповичей, которые, отказавшись от следования пути отцов, остались связанными с церковной средой, например преподавая в духовных учебных заведениях или освещая церковную проблематику в журнальных статьях и беллетристике¹. Хорошо знакомые с недостатками «православного ведомства», они часто были очень критичными в своих суждениях на его тему, но при этом обычно придерживались консервативных политических взглядов и сохраняли полную лояльность к государственной власти, прежде всего по той причине, что связывали с ней надежду на реформы и перемены в церкви. Эта группа оказалась в позиции не только разночинца, чувствующего свою ущербность и чуждость по отношению к дворянам, но и маргинала внутри разночинского сообщества, противостоящего гегемонии радикальных «властителей дум». Это нередко приводило к формированию сложного комплекса чувств, который можно определить понятием «ресентимент», причем в качестве «врага» могли выступать одновременно дворяне, радикальные разночинцы, представители высшей церковной иерархии и даже «темные», непросвещенные крестьяне. Эти различные группы объединяла одна черта — пренебрежительное отношение к приходскому духовенству и его проблемам, которые были в центре внимания рассматриваемого нами круга людей.

Ф. В. Ливанов и его хроника «Жизнь сельского священника»

Одним из представителей этой социально-идейной группы был писатель Федор Васильевич Ливанов — в настоящее время почти полностью забытый, од-

1 Отметим, что такое отмежевание от «отцов» необязательно было связано с отказом от рукоположения; это мог быть также выбор принципиально другой модели священнического служения, более активного и социально ангажированного.

нако при жизни пользовавшийся определенной популярностью. Он родился в 1830-е годы в священнической семье в селе Ивантеевка Николаевского уезда Саратовской губернии, закончил Саратовскую семинарию и Казанскую духовную академию (где, по воспоминаниям современников, больше интересовался светскими развлечениями, театром и танцами, чем собственно богословскими предметами [Осьмакова 1994: 353]), после которой поступил на гражданскую службу и продолжал служить в разных департаментах до 1867 года, когда вышел в отставку и пытался жить литературным трудом. Беллетристическую деятельность Ливанов начал с публикации в 1861 году в журнале «Век» рассказа «Похождения беглого кантониста», а в 1862 году напечатал собственный перевод «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо — очень низкого уровня, похожий на подстрочник и с заметными «заимствованиями» из перевода Саввы Москотильникова 1819 года. Ни одна из этих публикаций не была замечена критикой, известность принесли Ливанову лишь выпущенные в период с 1868 по 1873 год четыре тома очерков и рассказов «Раскольники и острожники», содержащие беллетризованные документы из истории раскола и сект, к которым он получил доступ во время службы в Министерстве внутренних дел [Боченков 2008; Осьмакова 1994: 353]. Первый том был раскуплен за несколько недель и три раза переиздавался, однако с самого начала интерес читающей публики сопровождался отрицательными оценками критиков, которые обращали внимание на отсутствие у этих произведений литературных достоинств, склонность автора к плагиату и недобросовестный характер очерков и рассказов, в которых правда и документальные факты соединялись с вымыслом, клеветой, сплетнями и инсинуациями [Акилов 1869: 266; Литературные известия 1869: 969—970; Ткачев 1869: 40].

«Жизнь сельского священника» является последним произведением Ливанова, изданным в 1877 году, за год до его смерти. Оно представляет собой хронику трехлетней священнической деятельности вымышленного персонажа, «идеального пастыря сельского», отца Александра Алмазова. В ней изложены его старания, направленные на повышение нравственного уровня крестьян и улучшение их быта, а также борьба против недоброжелателей, которыми являются развратные помещики, нигилисты, невежественные мужики, коварные старообрядцы и завистливое духовенство «старого времени» [Ливанов 1877: 112]², то есть именно те общественные группы, по отношению к которым «клерикало-бюрократы» испытывали чувство ресентимента. Посвященной служению героя главной части произведения предшествует рассказ об истории формирования Алмазова, в частности о влиянии на его развитие знакомства со светской девушкой и его будущей женой Верой Татищевой. В композиционном плане произведение Ливанова имеет свободную структуру, соответствующую данному автором жанровому определению хроники. Отдельные эпизоды соединены друг с другом временной последовательностью и организованы вокруг фигуры главного героя.

Рекламное объявление, сообщающее о поступлении в продажу «Жизни сельского священника», напечатанное в газете «Церковно-общественный вестник», акцентировало полемическую и в то же время прагматическую и нормополагающую направленность произведения, которое должно было, с одной

2 Далее все ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием номера страницы. — *Примеч. ред.*

стороны, выступать против огульного порицания обществом всего духовенства, а с другой — «начертить идеал сельского священника, чем он должен быть, чтобы восторжествовать над давящим его со всех сторон гнетом и стать на... высокое место среди общества» [С разрешения 1877]. Тем самым «Жизнь сельского священника» встраивается, как и другие беллетристические произведения из жизни духовного сословия, в публицистические дискуссии 1860—1870-х годов на тему призвания священника и его места в обществе.

Публицистичность и утилитарный подход к литературному произведению как к удобному средству для постановки злободневных вопросов в доступной для широкой публики форме и открытого выражения авторской позиции на их тему, являлись характерными чертами русской беллетристики второй половины XIX века [Гурвич 1991: 23]. Такая особенность была следствием, с одной стороны, сознательной установки и призывов представителей «реальной критики» сделать искусство полезным³, а с другой — вхождения в русскую литературную жизнь в 1860—1870-е годы большого числа разночинцев из среды духовенства и мелких служащих, не получивших систематического литературного образования [Печерская 2020: 265] и не выдвигавших эстетических критериев на первый план ни при чтении, ни при создании литературных текстов. Первостепенное значение имело для них содержание произведения как тот компонент, через который напрямую выражается авторская позиция и оценка действительности. Однако даже при построении сюжета и персонажей беллетристы обычно использовали определенные схемы и клише [Гурвич 1991: 72; Печерская 2021]. Их наличие было характерно как для романов о «новых людях», так и для «антинигилистических романов», а также для беллетристических произведений на тему повседневной жизни приходского духовенства [Мельникова 2013: 108—110].

Схемы и клише в тексте «Жизни сельского священника»

«Жизнь сельского священника» Федора Ливанова не является здесь исключением: в языковом и стилистическом отношении это текст очень низкого качества, на что указали еще современные автору рецензенты, прежде всего Николай Лесков, приведший в своем отзыве ряд ошибок и погрешностей, например: «Ее живая, восприимчивая, *легко волнуемая природа* могла мгновенно увлечься и мгновенно *превращаться из одного существа в другое, совершенно не похожее на первое* (курсив Лескова. — М.Л.)» [Лесков 1957: 208]. Непоследовательности и упрощения заметны также в построении сюжета. В частности, любые проблемы, которые возникают у Алмазова, разрешаются в одночасье «как по мановению волшебной палочки» [Там же: 121] с помощью симпатизирующего ему архиерея Хрисанфа или молодого прокурора Леонида Осокина. Лесков отмечает также мелкие ошибки и невнимательность к деталям, например в главе XII, где супруги Алмазовы после

3 Ср. высказывание Дмитрия Писарева, в статье «Разрушение эстетики» противопоставлявшего «храм искусства» мастерской «человеческой мысли, в которой исследователи, писатели и рисовальщики каждый по-своему будут стремиться к одной великой цели — к искоренению бедности и невежества» [Писарев 1956: 426].

свадьбы отправляются к родителям героя в «городском возке», а через несколько дней уезжают оттуда уже в тарантасе. Сами герои «Жизни сельского священника» картонны и лишены психологической достоверности: например, Александр Алмазов, будущий «идеальный сельский пастырь», в один момент создает планы жертвенного служения в деревне, а в следующий – готов покончить жизнь самоубийством в случае отказа любимой девушки стать его женой [Там же: 40]⁴.

Некоторые неувязки в построении сюжета и создании персонажей можно отчасти объяснить тем, что при написании своего произведения Ливанов использовал одновременно схемы и клише, заимствованные из трех названных выше типов текстов (роман о «новых людях», антинигилистический роман, повесть о священнике), несмотря на их идейную противоположность. Так, «Жизнь сельского священника» задумана как хроника жизни идеального сельского пастыря, и поэтому ее сюжет соответствует схеме, выделенной Софьей Мельниковой при анализе беллетристических произведений из жизни духовенства. Исследовательница отметила, что они обладали рядом повторяющихся черт: выбор в качестве героя сельского иерея или дьякона, сосредоточенность повествования на трех центральных темах (бурсацкое детство, семейные отношения, приходская деятельность), связанных, в свою очередь, с довольно устойчивым комплексом мотивов, таких как тяжелая действительность семинарской жизни, проблемы, вытекающие из раннего и часто недостаточно обдуманного брака, трудности в столкновении с реалиями приходской повседневности [Мельникова 2013: 108–110]. В произведении Ливанова решительно преобладает последняя из трех центральных тем, но в соответствии с образцом повествование начинается с выпускных экзаменов в семинарии, после чего следуют главы, посвященные дилеммам главного героя, связанным со вступлением в брак, а затем молодые отправляются в село Быково и разворачивают там активную приходскую деятельность.

Главный герой, Александр Алмазов, показан в хронике как представитель нового поколения духовенства и противопоставлен «отцам». Оппозиция старого и нового в духовной среде задается с самого начала: уже на третьей странице читатель узнает, что приехавший на публичный экзамен в семинарии епископ Хрисанф «принадлежал к архиереям *нового времени* и установлял на каждом шагу в епархии *новые порядки*... Он приехал на публичный экзамен семинарии просто, и вел себя весьма просто и вежливо, *по-новому*» (с. 3), что автор тут же противопоставляет «прежним временам». Эта оппозиция проходит красной нитью через все произведение: Ливанов неоднократно нарочито выделяет в тексте курсивом эпитет «новый», а «дела минувших дней» представлены всегда в черных красках. Такое противопоставление двух поколений духовенства не было во второй половине XIX века чем-то необычным; наоборот, этот мотив присутствовал в ряде повестей о священнике, например в «Озерском приходе» Николая Бунакова [Бунаков 1864], «Велено приискивать» Григория Недетовского [Недетовский 1877], «Авва» Дмитрия Мамина-

4 Хотя Лесков очень точно отмечает недостатки произведения Ливанова, нельзя забывать о его небеспристрастности, вызванной идеологическими разногласиями или даже конфликтом интересов. На это указывает Елизавета Пульхритудова, которая главную причину видит в возмущении Лескова фактом, что Ливанов включил материал «Соборян» в другую ценностную систему [Пульхритудова 1983: 173–174].

Сибиряка [Мамин-Сибиряк 1884] и других. Однако в произведении Ливанова особенно сильным является пафос борьбы старого и нового, радикального отказа от старых порядков в церковной среде, что неожиданным образом сближает «Жизнь сельского священника» с романами о «новых людях».

В соответствии с этой схемой строится и отчасти система персонажей, но, что важно, только тех, которые принадлежат к духовному сословию. Положительные герои — это прежде всего «передовые борцы нового времени» (с. 137): священник Александр Алмазов с супругой Верой Николаевной и «новый епископ» Хрисанф, которым противостоят представители старого, дореформенного поколения священнослужителей: епархиальный духовник о. Мардарий, благочинные Флюгеров и Молчанов, дьякон Боголепов и др. В то же время противники главного героя в мирской среде — это в основном люди, испытавшие на себе влияние «новых веяний», но здесь уже оцениваемых отрицательно, таких как нигилизм, «женская эмансипация» (понимаемая упрощенно и вульгарно, в основном как плотская распущенность), религиозный индифферентизм и потеря моральных принципов. Положительную оценку получают лишь те немногочисленные дворяне, которые придерживаются традиционных ценностей и прежде всего с почтением относятся к церкви и духовенству. Тот же критерий, в сущности, можно приложить и к крестьянам.

Двойственность и даже противоположность оценки «нового» в духовной и мирской среде приводят к использованию Ливановым двух типов клише. При изображении мира духовенства, в котором новые порядки воспринимаются как путь освобождения от «давящего со всех сторон гнета», писатель прибегает к схемам, характерным для романов о «новых людях». На это обратил внимание еще Николай Лесков, в отзыве на «Жизнь сельского священника» отметивший, что некоторые формы поведения главных героев напоминают деятельность персонажей «известных нигилистических романов» [Лесков 1957: 191]. Рецензент назвал такие действия, как «развивание» институткой Верой Николаевной своего будущего мужа посредством чтения художественной литературы [Там же: 191]; систематическое изучение прихожан, которое Алмазов ставит себе в качестве особой задачи [Там же: 202]; пастырская активность «по направлению», а не по движению сердца [Там же: 224]; эффектная грандиозность общественной деятельности женщины, предлагаемая ей вместо домашних и семейных обязанностей [Там же: 221]. К этим наблюдениям Лескова можно добавить также первостепенное значение общественной компоненты в священническом служении героя, в частности основание многочисленных институтов и учреждений (сельская больница и аптека, школа, плотина, мельница, сельский банк, гостиный двор, приют для нищих детей); уверенность в возможности достижения счастья на земле и перестройки общества по новым правилам («Он видел пред собою огромное поприще для целой жизни, которую он посвятит на добро и в которой, следовательно, будет счастлив», с. 18); отказ от привычных порядков и отношений внутри духовного сословия, своего рода вызов существующим нормам и правилам (например, отказ ходить по домам прихожан на Рождество, отказ от водки при посещении помещиков).

Важное значение имеет и отмеченная мимоходом Лесковым специфика дискурса: для характеристики своего героя-священника Ливанов использует определения из диапазона радикальной критики, такие как «развивание», «направление», «изучение сельского прихода» (с. 94), «передовой священник» (с. 100), «борцы нового времени» (с. 137) или прямо «новые люди» (с. 116).

Наряду с клишированными мотивами и языковыми формулами, заимствованными Ливановым из романов о «новых людях», в «Жизни сельского священника» легко отыскать и типовые схемы, почерпнутые из антинигилистического романа. Если в духовной среде Алмазову нужно противостоять «старым порядкам», то в мирской, наоборот, его главным противником оказываются новые веяния, основным порождением которых становятся молодые нигилисты, изображенные в полном соответствии с их литературными клише. Так, нигилистка Кашеварова покинула родной дом и уехала в Петербург, где «вожизилась с медицинскими студентами» и в результате «родила ребенка в каком-то подвале» (с. 77). Она описана как дурная, стриженная барышня, неряшливо одетая (изношенное платье с пятнами, не первой свежести шемизетка), в синих очках. В ее комнате на стенах развешаны анатомические рисунки и типы обезьян, а также портреты Дарвина и Сеченова; кроме того, там стоят человеческие скелеты. Товарищи Кашеваровой изображены как длинноволосые и непричесанные, немывые, грязные, в крестьянских поддевках и очках. Они открыто декларируют неверие в Бога, уделяют много внимания изучению «внутренностей» животных и стремятся к «просветительской работе» среди народа, что на самом деле означает агитационную деятельность по подготовке крестьянского восстания.

Ресентимент и поиск собственной идентичности

Обращение одновременно к схемам двух противоположных вариантов полемики романа способствует созданию образа главного героя, отовсюду окруженного врагами. В их изображении, акцентирующем отрицательные характеристики, а также в отношении к ним как повествователя, так и Алмазова — полном неприязни и даже пренебрежения — выявляется наполненная ресентиментом авторская позиция Ливанова. Например, при первом въезде нового священника в деревню «кучка мужиков глупо ухмылялась» (с. 53); на последовавшей вскоре сельской сходке «мужики орали невежливо, бессмысленно, дерзко... Такова была паства нового священника!» (с. 57). С таким же презрением охарактеризован отец «шаршавой девицы» Кашеваровой: «В качестве либерала Кашеваров любил очень примазывать к молодым людям» (с. 77), — или благочинный Молчанов, который «был тип священника, неспособного ни на что возвышенное и смелое, но подобострастного, униженного и низкопоклонного» (с. 159). По отношению к духовенству «старого закала» дерзость и высокомерие позволяет себе и Алмазов, который перед совместной литургией делает замечание благочинному Флюгеру с чувством явного превосходства: «Но вы, кажется, вместо правила играли... накануне службы в карты?» (с. 116).

Поводя итоги, еще раз обратимся к категории «угнетенного субъекта» как того, на кого направлено доминирование и гегемония и кто в стремлении к эмансипации ищет свою идентичность, собственный голос и дискурс. Их обретение оказывается не таким уж простым, и маргинал примеривает на себя различные маски, роли, использует «чужие голоса» о себе самом, прибегает к мимикрии [Bhabha 1994: 88—92; Ogden 2005: 534—537]. Возможно, именно таким поиском идентичности обусловлено обращение Ливанова к разнообразным клише. Однако столь сильное в его произведении чувство ресентимента

не помогает в обретении своего голоса, потому что в таком случае собственная идентичность выстраивается в постоянной полемике и становится основанной не столько на утверждении своей особенности и мира ценностей, сколько на противопоставлении себя другим («я — не те»). Кроме того, полемическая установка связана с утилитарным подходом к литературному произведению, с «разрушением эстетики», хотя и по своей идейной направленности противоположным радикальной критике и беллетристике.

Таким образом, рассмотренная в статье «Жизнь сельского священника» Федора Ливанова демонстрирует парадоксальность авторской позиции ее автора, соединяющей радикальные и консервативные элементы как на уровне идей, так и на уровне литературных приемов. Предпринятая нами попытка увидеть в этой парадоксальности проявление собственного самовосприятия как угнетенного маргинала позволяет по-новому осмыслить и другие произведения из жизни русского духовенства, достаточно многочисленные во второй половине XIX — начале XX века. Говоря шире, постколониальная теория, в том числе категории внутреннего колониализма, применимы и к анализу репрезентации крестьян, мещан, разночинцев, рабочих и других непривилегированных частей русского общества в их пути от объекта описания к субъекту полноправного дискурса, к обретению собственного голоса.

Библиография / References

- [Акилов 1869] — Акилов П.Г. Ворона в павлиньих перьях (Литературный курьез) // Развлечение. 1869. № 1. С. 265—266.
- (*Akilov P.G. Vorona v pavlin'ikh per'yakh (Literaturnyy kur'ez) // Razvlechenie. 1869. № 1. P. 265—266.*)
- [Боченков 2008] — Боченков В.В. «Но ревность имей не по разуму». О творческой судьбе Федора Ливанова // Боченков В.В. П.И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев: Маргарит, 2008 (<http://vbochenkov.ru/index.php/melnikov-pecherskij/255-no-revnost-imeyay-ne-po-razumu-o-tvorcheskoj-sudbe-fedora-livanova> (дата обращения: 21.04.2022)).
- (*Bochenkov V.V. "No revnost' imeyay ne po razumu". O tvorcheskoj sud'be Fedora Livanova // Bochenkov V.V. P.I. Mel'nikov (Andrey Pecherskiy): Mirovozzrenie, tvorchestvo, staroobryadchestvo. Rzhev, 2008 (<http://vbochenkov.ru/index.php/melnikov-pecherskij/255-no-revnost-imeyay-ne-po-razumu-o-tvorcheskoj-sudbe-fedora-livanova> (accessed: 21.04.2022)).*)
- [Бунаков 1864] — Федорович М. [Бунаков Н.Ф]. Озерской приход // Библиотека для чтения. 1864. № 1. С. 1—36; № 2. С. 1—36.
- (*Fedorovich M. [Bunakov N.F.] Ozerskoy prikhod // Biblioteka dlya chteniya. 1864. № 1. P. 1—36. № 2. P. 1—36.*)
- [Вдовин 2016] — Вдовин А.В. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2016. № 141. С. 287—315.
- (*Vdovin A.V. "Navedomyy mir": russkaya i evropeyskaya estetika i problema reprezentatsii krest'yan v literature sereдины XIX veka // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 141. P. 287—315.*)
- [Вдовин 2021] — Вдовин А.В. Бремя модернизации: Патриархальные ритуалы, эмансипационная этика и исторические аллюзии в драме А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» // Russian Literature. 2021. Vol. 119. P. 43—69.
- (*Vdovin A.V. Bremya modernizatsii: Patriarkhal'nye ritualy, emansipatsionnaya etika i istoricheskie allyuzii v drame A.F. Pisemskogo "Gor'kaya sud'bina" // Russian Literature. 2021. Vol. 119. P. 43—69.*)
- [Гиляров-Платонов 1905] — Гиляров-Платонов Н.П. О новых типах в духовенстве

- ве // Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви. Сборник статей 1868—1887 гг.: В 2 т. Т. 1. М.: К.П. Победоносцев, 1905. С. 432—437.
- (*Gilyarov-Platonov N.P. O novykh tipakh v dukhovenstve // Gilyarov-Platonov N.P. Voprosy very i tserkvi. Sbornik statey 1868—1887 gg.: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1905. P. 432—437.*)
- [Гиляров-Платонов 1906а] — *Гиляров-Платонов Н.П.* Клерикально-бюрократическое направление // Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви. Сборник статей 1868—1887 гг.: В 2 т. Т. 2. М.: К.П. Победоносцев, 1906. С. 199—203.
- (*Gilyarov-Platonov N.P. Klerikal'no-byurokraticheskoe napravlenie // Gilyarov-Platonov N.P. Voprosy very i tserkvi. Sbornik statey 1868—1887 gg.: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1906. P. 199—203.*)
- [Гиляров-Платонов 1906б] — *Гиляров-Платонов Н.П.* Церковные вопросы // Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви. Сборник статей 1868—1887 гг.: В 2 т. Т. 2. М.: К.П. Победоносцев, 1906. С. 96—100.
- (*Gilyarov-Platonov N.P. Tserkovnye voprosy // Gilyarov-Platonov N.P. Voprosy very i tserkvi. Sbornik statey 1868—1887 gg.: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1906. P. 96—100.*)
- [Гнюсова 2018] — *Гнюсова И.Ф.* Репрезентация образа священнослужителя в русской и английской литературе XIX в. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2018.
- (*Gnyusova I.F. Reprezentatsiya obraza svyashchenoslužhitelya v russkoy i angliyskoy literature XIX v. Tomsk, 2018.*)
- [Граммши 1991] — *Граммши А.* Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче // Граммши А. Тюремные тетради: В 3 ч. Ч. 1 / Ред. М.Н. Грецкий; пер. с итал. Г.П. Смирнов. М.: Политиздат, 1991. С. 25—99.
- (*Gramsci A. Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce // Gramsci A. Quaderni del carcere: In 3 pts. Pt. 1 / Ed. by M.N. Gretskiy. Moscow, 1991. P. 25—99. — In Russ.*)
- [Греков 1859] — *Греков Г., свящ.* Духовное звание в России: Голос сельского священника // Духовная беседа. 1859. № 17. С. 109—130.
- (*Grekov G. Dуховное zvanie v Rossii: Golos sel'skogo svyashchennika // Dukhovnaya beseda. 1859. № 17. P. 109—130.*)
- [Гурвич 1991] — *Гурвич И.А.* Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: Изд-во РОУ, 1991.
- (*Gurvich I.A. Belletristika v russkoy literature XIX veka. Moscow, 1991.*)
- [Знаменский 1892] — *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870 годы): В 3 вып. Вып. 3. Казань: Тип. Императорского университета, 1892.
- (*Znamenskiy P.V. Istoriya Kazanskoj dukhovnoy akademii za pervyy (doreformennyj) period ee sushchestvovaniya (1842—1870 gody): In 3 iss. Iss. 3. Kazan, 1892.*)
- [Лесков 1957] — *Лесков Н.С.* Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни. Критический этюд // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1957. С. 188—234.
- (*Leskov N.S. Karikaturnyy ideal. Utopiya iz tserkovno-bytovoy zhizni. Kriticheskiy etjud // Leskov N.S. Sbranie sochineniy: In 11 vols. Vol. 10. Moscow, 1957. P. 188—234.*)
- [Ливанов 1877] — *Ливанов Ф.В.* Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни сельского духовенства: В 3 ч. М.: Тип. Ф. Иогансон, 1877.
- (*Livanov F.V. Zhizn' sel'skogo svyashchennika. Bytovaya khronika iz zhizni sel'skogo dukhovenstva: In 3 pts. Moscow, 1877.*)
- [Литературные известия 1869] — Литературные известия // Вестник Европы. 1869. № 2. С. 969—977.
- (*Literaturnye izvestiya // Vestnik Evropy. 1869. № 2. P. 969—977.*)
- [Лукашевич 2009] — *Лукашевич М.* Образ приходского священника в русской беллетристике 60-х и 70-х гг. XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. Варшава, 2009.
- (*Łukaszewicz M. Obraz prikhodskogo svyashchennika v russkoy belletristike 60-ki i 70-ki gg. XIX veka: PhD thesis. Warsaw, 2009.*)
- [Мамин-Сибиряк 1884] — *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Авва // Дело. 1884. № 3. С. 1—34.
- (*Mamin-Sibiryak D.N. Awa // Delo. 1884. № 3. P. 1—34.*)
- [Мельникова 2013] — *Мельникова С.В.* Жизнеописание приходского священника в русской беллетристике второй половины XIX века // Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 106—114.
- (*Mel'nikova S.V. Zhizneopisanie prikhodskogo svyashchennika v russkoy belletristike vtoroy poloviny XIX veka // Syuzhetologiya i syuzhetologiya. 2013. № 2. P. 106—114.*)
- [Мельникова 2015] — *Мельникова С.В.* Образ приходского священника в русской беллетристике XIX века: Вариации на тему «маленького человека» // Русская литература. 2015. № 4. С. 96—105.
- (*Mel'nikova S.V. Obraz prikhodskogo svyashchennika v russkoy belletristike XIX veka: Variatsii na temu "malen'kogo cheloveka" // Russkaya literatura. 2015. № 4. P. 96—105.*)

- [Мещерский 1873] — *Святослав Сольньский [Мещерский В.П.]* Нечто о современных священниках // Гражданин. 1873. № 41. С. 1099—1102.
- (*Svyatoslav Solynskiy [Meshcherskiy V.P.]* Necho o sovremennykh svyashchennikakh // Grazhdanin. 1873. № 41. P. 1099—1102.)
- [Недетовский 1877] — *О. Забытый [Недетовский Г.И.]* Велено приискивать // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 5—63; № 10. С. 283—378; № 11. С. 5—112.
- (*O. Zabytyy [Nedetovskiy G.I.]* Veleno priiskivat' // Vestnik Evropy. 1877. № 9. P. 5—63; № 10. P. 283—378; № 11. P. 5—112.)
- [Осьмакова 1994] — *Осьмакова Н.И.* Ливанов Федор Васильевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь: В 7 т. Т. 3 / Под ред. П.А. Николаева. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 353—354.
- (*Os'makova N.I.* Livanov Fedor Vasil'evich // Russkie pisateli. 1800—1917. Biograficheskiy slovar': In 7 vols. Vol. 3 / Ed. by P.A. Nikolaev. Moscow, 1994. P. 353—354.)
- [Писарев 1956] — *Писарев Д.И.* Разрушение эстетики // Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1956. С. 418—435.
- (*Pisarev D.I.* Razrushenie estetiki // Pisarev D.I. Sochineniya: In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 1956. P. 418—435.)
- [Печерская 2018] — *Печерская Т.И.* Пушкин в зеркале журнальной полемики: Поэт и нигилист // Карабиха: историко-литературный сборник. 2018. № 10. С. 14—28.
- (*Pecherskaya T.I.* Pushkin v zerkale zhurnal'noy polemiki: Poet i nigilist // Karabikha: istoriko-literaturnyy sbornik. 2018. № 10. P. 14—28.)
- [Печерская 2020] — *Печерская Т.И.* Феномен культурной экспансии разночинцев 1860-х годов: Литературная ниша «писатель-народник» // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 263—278.
- (*Pecherskaya T.I.* Fenomen kul'turnoy ekspansii raznochintsev 1860-kh godov: Literaturnaya nisha "pisatel'-narodnik" // Kritika i semiotika. 2020. № 1. P. 263—278.)
- [Печерская 2021] — *Печерская Т.И.* Сюжетные клише романов о «новых людях» в контексте журнальной полемики 1860—1870-х годов // Вестник НГУ. 2021. № 6 (20). С. 45—53.
- (*Pecherskaya T.I.* Syuzhetnye klishe romanov o "novyykh lyudyakh" v kontekste zhurnal'noy polemiki 1860—1870-kh godov // Vestnik NGU. 2021. № 6 (20). P. 45—53.)
- [По вопросу 1877] — По вопросу об участии светской власти в делах церковных // Церковно-общественный вестник. 1877. № 30. С. 1—3.
- (Po voprosu ob uchastii svetskoy vlasti v delakh tserkovnykh // Tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1877. № 30. P. 1—3.)
- [По поводу 1874] — По поводу нашей программы // Церковно-общественный вестник. 1874. № 1. С. 1—3.
- (Po povodu nashey programmy // Tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1874. № 1. P. 1—3.)
- [Пульхритудова 1983] — *Пульхритудова Е.М.* Творчество Н.С. Лескова и русская массовая беллетристика // В мире Лескова. Сборник статей / Под ред. В. Богданова. М.: Советский писатель, 1983. С. 149—185.
- (*Pul'khritudova E.M.* Tvorchestvo N.S. Leskova i russkaya massovaya belletristika // V mire Leskova. Sbornik statey / Ed. by V. Bogdanov. Moscow, 1983. P. 149—185.)
- [Розов 2001] — *Розов А.Н.* Типы священников в русской литературе второй половины 19 — начала 20 века // Труды IV Всероссийских чтений, посвященных братьям Киреевским. «Оптина пустынь и русская культура». Калуга: Эйдос, 2001. С. 246—258.
- (*Rozov A.N.* Tipy svyashchennikov v russkoy literature vtoroy poloviny 19 — nachala 20 veka // Trudy IV Vserossiyskikh chteniy, posvyashchennykh brat'yam Kireevskim. "Optina pustyn' i russkaya kul'tura". Kaluga, 2001. P. 246—258.)
- [Русская церковь 1874] — Русская церковь по взгляду иностранца (1) // Церковно-общественный вестник. 1874. № 95. С. 2—3.
- (*Russkaya tserkov'* po vzglyadu inostrantsa (1) // Tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1874. № 95. P. 2—3.)
- [С разрешения 1877] — С разрешения высшего начальства // Церковно-общественный вестник. 1877. № 29. С. 8.
- (*S razresheniya vysshego nachal'stva* // Tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1877. № 29. P. 8.)
- [Самочатова 1972] — *Самочатова О.Я.* Крестьянская Русь в литературе. Тула: Приокское кн. изд-во, 1972.
- (*Samochatova O.Ya.* Krest'yanskaya Rus' v literature. Tula, 1972.)
- [Ткачев 1869] — *П.Т. [Ткачев П.Н.]* Новые книги. «Раскольники и острожники. Очерки и рассказы». Соч. Фед. Вас. Ливанова. М., 1868 г. // Дело. 1869. № 1. С. 40—45.
- (*P.T. [Tkachev P.N.]* Novye knigi. "Raskol'niki i ostrozhniki. Ocherki i rasskazy". Soch. Fed. Vas. Livanova. M., 1868 g. // Delo. 1869. № 1. P. 40—45.)
- [Эткинд 2013] — *Эткинд А.М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макаров. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- (*Etkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Moscow, 2013. — In Russ.)

- [Bhabha 1994] — *Bhabha H.K.* The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994.
- [Donskov 1972] — *Donskov A.* The Changing Image of the Peasant in Nineteenth-Century Russian Drama. Helsinki: Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ, 1972.
- [Fanger 1968] — *Fanger D.* The Peasant in Russian Literature // Peasants in Nineteenth-Century Russia / Ed. by W. Vucinich. Stanford: Stanford University Press, 1968. P. 231—262.
- [Freeze 1977] — *Freeze G.L.* The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge MA: Harvard University Press, 1977.
- [Freeze 1983] — *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform and Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983.
- [Frierson 1993] — *Frierson C.* Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- [Hedda 2008] — *Hedda J.* His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008.
- [Manchester 2008] — *Manchester L.* Holy Fathers, Secular Sons. Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008.
- [Ogden 2005] — *Ogden J.A.* The Impossible Peasant Voice in Russian Culture: Stylization and Mimicry // Slavic Review. 2005. Vol. 63. № 3. P. 517—537.
- [Pavlenko 2014] — *Pavlenko A.* Peasant as the Political Unconscious of Anna Karenina: Vengeance, its Forms and Roots // Tolstoy Studies Journal. 2014. № 26. P. 19—28.